

Е.И. КИРИЛЕНКО

ДИАГНОСТИКА В ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЕ

Предметом анализа данной работы является диагностический аспект традиционного медицинского опыта. Природный текст дописьменной культуры предстает как семиотически разнородный мир, бесконечный в разнообразии семантических связей. Бесписьменное сознание выработало особую культуру диагностики и прогнозирования ситуации болезни. Диагноз касается фундаментальных состояний (жизни/смерти). Болезни изначально не предписан некоторый ход развития. В пределах природного текста болезнь – это событие сакральное и космическое, и лишь по некоторым признакам можно его прочесть, что определяет важную роль примет. Диагностирующую роль играло произнесённое (или написанное) слово. Принципиальное различие народной и научной медицины определяется их принадлежностью к разным типам культурных текстов.

Ключевые слова: культура как природный текст, традиционная медицина, диагностика

Кириленко Елена Ивановна - профессор кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории, Сибирский государственный медицинский университет. E-mail: e.kirilenko@ngs.ru

E.I. KIRILENKO

DIAGNOSIS IN TRADITIONAL MEDICINE

The subject of this paper is the diagnostic aspect of traditional medical practices. Natural text of preliterate culture appears as semiotically heterogeneous field, endless in the variety of semantic relations. Nonliterate consciousness has developed a special culture of diagnosis and prognosis of the disease situation. The diagnosis concerns the fundamental conditions (life/death). Diseases are not initially prescribed a certain course of development. Within the natural text, a disease is a sacred and cosmic event, and one can read it only by certain signs, which defines the importance of omens. A spoken (or written) word also played a diagnostic role. The fundamental difference between traditional and scientific medicine is determined by their belonging to different types of cultural texts.

Keywords: culture as a natural text, traditional medicine, diagnostics

Kirilenko Elena Ivanovna - professor at the Department of Philosophy with Courses of Cultural Studies, Bioethics and National History, Siberian State Medical University. E-mail: e.kirilenko@ngs.ru

Опыт отношения к миру фундаментально видоизменяется в зависимости от появления в культурном сознании идеи письменности, которая утверждается в качестве глубинной, «ноэтической» способности выстраивания содержаний сознания. Как отмечает Ю. Лотман, то, что божественным знамением для Ноя явилась радуга, и то, что скрижали Завета символизировали договор с Богом для Моисея, – это формы выражения двух типов культурного сознания [8, с. 108]. Опыт существования в письменной культуре предпосылает восприятие мира: 1) как трансляции записанного во вне текста; 2) как текста семиотически однородного и непрерывного; 3) как системы знаков с конечным числом семантических связей (правила построения текста заданы и определены); 4) как тотально искусственной реальности, трансформированной, преобразованной усилиями человека. Текст культуры осознаётся как аналог выстроенного, интеллектуального конструкта.

Опыт существования в дописьменной культуре, напротив, характеризуется об-

ращённостью к самой реальности мира, Природы, выступающей носителем смыслов, «исходно данным Текстом» [8], который надо прочесть. Реальность воспринимается как семиотически неоднородная, где пересекаются природные (ландшафтные, климатические, природно-циклические), общественные события, сочетаются события земные и небесные, оформленные или лишённые формы, статичные и изменчивые, стабильно возникающие и экстраординарные, имеющие разный период возникновения. Например, явление кометы – знак мора, голода или войны [7, с. 267].

Мир как выражение опыта священного открывается в различных символических модуляциях. Этот опыт целостен, но бесконечен в разнообразии символических проявлений, семантических связей. Символическая насыщенность этих знаков несёт более свободно проявляющуюся, прерывно и спонтанно существующую семантику, нежели искусственно организованный мир письменной культуры [8, с. 106].

Реальность открывается как изначально данный, первозданный мир, где актив-

ность человека регламентирована. Здесь, отмечает Ю. Лотман, иной тип культурной памяти: фиксируются не причинные связи между событиями, не временные процессы, а неизменное, закон, порядок. Здесь важна, например, не столько зависимость урожая от аграрных усилий, сколько внимание к приметам, которые извечно напоминают о глубинных природных событиях [8, с. 103]. В знаках священного предугадывается идея вечного, повторяющегося.

По приметам – звездам, скалам, светилам, событиям растительной и животной жизни вычитывается смысл природного текста, символизирующего устойчивый, вечный строй жизни. Так, если на Рождество или Богоявление на небе не видны звезды, то сеять горох не нужно, так как год в данном случае будет неурожайным [7, с. 263]. Веники, собираемые на Аграфену-купальницу (23 июня), считаются целебными весь год.

Приметы отражают опыт включённости человека в целостность универсума. Здесь всё взаимодействует со всем, приметы обращены к этим разнообразным связям: «Суевы стригут ногти по четвергам, зубы-де болеть не станут» [6, с. 576]. Отдельное открывается в контексте целого. Потому наблюдения насыщены характеристиками универсального, обобщающего свойства: «Лист с дерева нечисто опадает на тяжёлый год, к болезни, неурожаю» [6, с. 904].

Для больного прогноз опирается на обобщающие характеристики его состояния: «Весь нездоров. Всем телом (корпусом) нездоров» [5, с. 250]. Важны *цвет кожи*: «Посинел, как на льду посидел» [5, с. 249]; «Кровь с молоком. Чуть не лопнет» [5, с. 248]; *бледность – румянец*: «Бледен как смерть»; «Побледнел, ровно скатерть»; «Рожа красная, хоть онучи суши»; «Рожа клюковка, глаза – луковки» [5, с. 197]; изменения *параметров, формы, состава тела*: «Суди не по годам, а по ребрам (по зубам)»; «Высох, как лист, как спичка»; «Кости да кожа, одни рёбра»; «Его муха крылом перешибёт»; «Еле-еле душа в теле» [5, с. 248-249]; *степень активности*: «Лежит – не может, и кости (и корки) не гложет» [5, с. 249]; *наличие или отсутствие жизненных сил*: «Больному и мёд не вкусен, а здоровый и камень ест»; «Его и всего-то на кошачий обед» [5, с. 249]; *состояние духа*: «Поддайся одной боли да сляг – и другую наживёшь»; «Не поддавайся, не ложись; а сляжешь – не встанешь»; «Кто не боится холеры, того она боится»; «Сляжешь, хуже разломает; а хоть ломайся, да обмогайся» [5, с. 249]; *образ жизни*: «Где пиры да чай, там и немочи»; «Не ешь масляно, ослепнешь» [5, с. 250]; «Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут» [5, с. 248]; «Ешь вполсыта, пей вполпьяна

(не пей до полпьяна), проживёшь век до полна»; «После обеда полежи, после ужина походи!» [5, с. 250]; *озабоченность* по отношению к своему здоровью: «Та душа не жива, что по врачам пошла»; «Не тот болен, кто лежит, а тот, кто над болью сидит» [5, с. 250-251]; *изменения мировосприятия*: «Больной, что ребёнок»; «Больному всё горько» [5, с. 249, 251]. Акцентируется *целостный образ тела*: «Плохо можется, что-то ёжится»; «Скрипит дерево, да стоит»; «Скрипуче, да живуче; крепко, да хряпко (да хрустко)» [5, с. 249]. Обращается внимание на *главные части тела*: «Не спрашивай здоровья, а глянть в лицо» [5, с. 248]; *осанку*: «В крюк свело, согнуло, скорчило»; «То же тело, да клубком свертело»; «Уходила, умучила, согнула да скрючила»; «Эк его перекосило (покоробило, подвело)» [5, с. 249]. Важны *эстетические* характеристики: «Болезнь человека не красит»; «Краше в гроб кладут» [5, с. 248]; «Красен человек статью» [5, с. 198].

Диагноз касается фундаментальных состояний. Например, жизнь – смерть: «Если больной на бок к стене ложится, отворачивается, то умрёт. Говорит о дороге, конях – умрёт. Если больной внезапно вздрогнет, это знак, что ему Смерть в очи поглядела. Если трудно больной чихнёт – будет жив» [4, с. 49-50]; «Если сонный отпыхивает, то умрёт» [6, с. 387]; «Кто свою стень (двойника, привидение) увидит – скоро умрёт» [6, с. 607]. Возможности медицинского диагноза простирались на всю сферу существования в культуре, «болезнь наделялась прогностическим значением», обещавшим зачастую социальные потрясения [2, с. 387]. «Есть у Нибура следующее положение... Великие эпидемии или заразы совпадают с эпохами упадка цивилизации» [2, с. 361].

Бесписьменное сознание наблюдает над приметами, вырабатывая «мощную культуру прогнозирования» [8, с. 106], фигура гадателя, мага, знахаря – хранителя внеличностного знания – для неё совершенно естественна. В практике архаического врачевания приметы играют важную роль. Болезни не предписан изначально некоторый ход развития (идея «критических дней» у пифагорейцев). Природный текст обнаруживает себя таинственно и неожиданно, болезнь в нём – событие сакральное и космическое, и лишь по некоторым признакам можно его прочитать. «Крапива, по народному преданию, одарена свойством угадывать, будет ли больной жить или умрёт. Для этого в только что отлитую больным мочу положить несколько свежей крапивы... Ежели по истечении суток крапива высохнет, сожмется и потеряет цвет, то больной умрёт. Когда же крапива останется зелёною и как бы свежеею,

то больной выздоровеет» [7 с. 435]. Мифопоэтический человек с величайшим вниманием относился к миру, пребывал в состоянии готовности реагировать на знаки взаимодействия человеческого и сверхчеловеческого: «Каркающий ворон на крыше – вестник смерти» [7, с. 262]; «Не пинай собаку – судороги потянут»; «Собачий вой – на смертный покой!» [6, с. 335].

Разнородность исходного текста существования, где пересекаются природное и сверхприродное, человеческое и священное, его семантическая прерывистость и незавершённость, ведут к тому, что приметы оказываются рационально непостижимыми. «Говорят, что если жаворонка поднести к больному, который должен умереть, птица отвернётся... Но, если больному предстоит выжить, птица не будет отводить от него глаз, и благодаря ей недуг пройдёт [1, с. 124-125]. Жители Новгородской губернии вешают на стену на имя каждого человека собранную в ночь на Ивана Купала траву богатеньку: «Чей цвет завянет, тот или умрёт, или заболит на этот год» [9, с. 87]. В приметах открывается мир смерти. Если кто-то заболел в день св. Власия, ему подмышки клали хлеб: если хлеб к утру засохнет, больной умрёт [10, с. 231].

Впрочем, приметы могли иметь и рациональную основу: если после мучительной и изнурительной процедуры лечения от стени (изнурительной сухотки детей, детской дряхлости) дитя засыпает, то оно выздоровеет, ежели оно кричит, то должно умереть [9, с. 423-424].

Болезнь – знак священного, в состоянии особого напряжения находится вся перцептивная сфера врачевателя. У восточных целителей особенно развита тактильная чувствительность (китайские и тибетские целители различали сотни оттенков пульса). На материале скандинавской мифологии видно, что особую роль в диагностике у целителя играют вкус и обоняние. У скандинавов существовал безошибочный способ определять глубину ран: целитель пробовал кровь и по вкусу заключал, откуда она вытекала: «...из глубоких и благороднейших частей тела или из менее значительных». Преследуя врага, Снорри Стурлусон увидел вытекающую из раны кровь, попробовал её вместе со снегом и заключил, что это «кровь внутренняя, и из человека уже мёртвого, значит, нечего его и преследовать». Существовал и другой способ узнать глубину ран: больному готовили особый отвар, давали его пить, а затем нюхали раны: «глубокая рана издавала запах приятного зелья» [3, с. 125].

Диагностирующую роль играло и произнесённое (или написанное) слово. Назвать болезнь означало обнаружить её.

М. Забылин сообщает о практике «отписывания» болезней, когда на «записках» писали «еллинские имена лихорадок», затем эти записки давали носить больным. Имена лихорадок могли написать на яблоках, которые клали в церкви во время литургии [7, с. 412] – выразительный пример символической складки в культурном сознании. Символика яблока в христианстве, литургия, письмо переплетаются с языческими элементами: назвать болезнь – начать лечение болезни-лихорадки.

Таким образом, принципиальное различие народной и научной медицины определяется тем, что они «ориентируются на два различных вида сознания – бесписьменное и письменное». Тогда в приметах и предрассудках, в изобилии собранных народной медициной, открывается, по мнению Ю. Лотмана, «не ложь и дикость, а обломки другой правды, восходящей к другому типу культуры» [8, с. 109].

Диагностический опыт традиционной медицины связан с опытом священного. Он содержит в себе рациональные компоненты (гомеопат согласился бы с высказыванием: «Чем ушибся, тем и лечись!» [5, с. 249]), но недоступен полной рационализации и сохраняет значение важного компонента, психотерапевтического средства [11].

Список литературы

1. Башляр Г. Грёзы о воздухе. Опыт о воображении движения. – М.: Гуманит. лит., 1999. – 344 с.
2. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII-XIX веков. – М.: ОГИ, 2005. – 504 с.
3. Буслаев Ф.И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Ф.И. Буслаев. О литературе. – М.: Худож. лит., 1990. – 512 с.
4. Грушко Е., Медведев Ю. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. – Н. Новгород: Русский купец и Братья славяне, 1996. – 559 с.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Эксмо, 2005. – 616 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. 3-е изд. – СПб.; М.: М.О. Вольф, 1903. – Т. 1. – 1743 с.; 1905. – Т. 2. – 2030 с.; 1907. – Т. 3. – 1782 с.; 1909. – Т. 4. – 1619 с.
7. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: М. Березин, 1880. – 615 с.
8. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х тт. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 102-110.
9. Сахаров И.П. Народный дневник. – М.: Дружба народов, 1991. – 224 с.
10. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. – Тула: Приокское книжн. изд-во, 2000. – 480 с.
11. Тхостов А.Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник МГУ. – Сер. 14. Психология. – 1993. – № 1. – С. 3-16; № 4. – С. 13-24.